

Расширение радиусов доверительного отношения между обществом и государством как условие эффективности публичной политики

И.В. Радиков

Санкт-Петербургский государственный университет

ivirrad@gmail.com

Аннотация

В данной статье идет речь о том, что доверительное отношение между обществом и государством выступает фундаментальным условием эффективного политического управления и публичной политики. Вывод о необходимости расширения радиусов доверительного отношения между обществом и государством объясняется наступающей противоречивой эпохой коммуникационного изобилия, не только увеличивающей возможности доступа граждан к информации, но и ведущей к еще большему отчуждению многих людей от политики в силу невозможности справиться с всевозрастающей лавиной информации.

Ключевые слова: доверие, политическое доверие, культура доверия, ресурс политического доверия, рациональность доверия, новая публичность

1. Теоретические основания анализа политического доверия

Проблема доверия привлекла внимание исследователей уже в конце XIX века и характеризуется множественностью подходов в силу разного понимания как ее природы, так и особенностей трансформации в современных условиях. Например, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, Э. Гидденс и др. подчеркивали особенности доверия к власти, обращая внимание на то, что ее безличные институты на практике ассоциируются с представляющими их конкретными лицами [15] [4] [3]. Отсюда, утрата доверия к тем или иным институтам власти вполне может стать следствием бездействия, аморальности или коррупционности их руководителей или представителей. Ф. Фукуяма рассматривал доверие как приверженность индивидов, социальных групп к общей системе ценностей, считая, что успех «самореализации» конкретного общества зависит не от рыночных принципов и не от приверженности традициям, но от «одного, распространившегося повсюду элемента культуры —

уровня доверия, существующего в обществе». По его мнению, доверие проявляется как на социальном (доверие к государству и общественным институтам), так и индивидуальном уровнях. Оно «не воплощено в компьютерных сетях...отнюдь не сводится к информации... есть ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами» [18, с.133].

П. Штомпка ввел понятие «культура доверия», которая становится определяющим фактором в процесс формирования гражданского общества [16]. Польский социолог полагал, что доверие есть «ставка» в отношении непредвиденных действий других, а «доверие-недоверие» — способ справиться с неясным будущим, в котором мы не уверены [17, с. 326].

Н. Луман определял доверие как механизм для минимизации рисков и как определенный социокультурный ресурс, способствующий реализации потенциала действия [8, с.183–184]. Он считал необходимым разделение доверия и уверенности: «Если у вас нет альтернатив, вы находитесь в ситуации уверенности. Если вы выбираете одно действие, предпочитая его другим, вопреки возможности быть разочарованным в действиях других, вы определяете ситуацию как ситуацию доверия» [9, р. 99].

Существовавшая на протяжении многих веков традиционная модель доверия населения к власти в последние десятилетия подвергается серьезной ревизии. И этот процесс характерен не только для государств, сохранивших элементы патерналистской политической культуры (Г. Алмонд), предполагающей безусловное подчинение граждан существующей власти и принуждающих несогласных к лояльности. Авторитет и престиж государства существенно понижается даже в демократических государствах, наполняется новым содержанием «общественный договор» между государственной бюрократией и гражданским обществом.

2. Детерминанты политического доверия

Согласимся с достаточно распространенным утверждением, что современная компаративистика определяет в качестве важнейшей тему политического доверия, то есть доверия по отношению к институтам государственной власти и проблеме соотношения институционального доверия с существующим в обществе межличностным доверием (<http://credonew.ru>) [10]. Добавим к этому, что содержание политического доверия проявляется во взаимоотношениях общества и государства, народа и власти. Качественные характеристики политического доверия определяются отношением народа к политическим лидерам, властвующим политическим партиям и элитам, органам федеральной, региональной и местной власти.

В рамках анализа экзогенных переменных политическое доверие к политическим институтам определяется внешними факторами, возникает вне политической сферы, из глубоко укоренившихся убеждений людей, их ценностных ориентаций и культурных норм. Оно представляется как продолжение или проекция межличностного доверия, воспринятого в ранний период жизни и предопределяющего в последующем оценки политики

(политических институтов). Это позволяет нам объяснять невысокий уровень доверия к институтам в государствах демократического транзита как наследство преобладавшей авторитарной политической культуры.

Признавая эндогенную природу, политическое происхождение и рациональность доверия, отметим, что институциональное доверие гражданского общества является следствием успешности функционирования политических институтов, а не причиной эффективности политического управления. В этом контексте влияние политической культуры и социализации как внешних факторов доверия мы будем трактовать как вспомогательную (дополняющую) функцию. Еще раз подчеркнем: именно эффективность деятельности политических институтов и лидеров генерирует доверие к ним, а отсутствие успеха, позитивной динамики в их функционировании порождает у людей апатию, скептицизм и недоверие.

Отметим, что ресурс политического доверия формируется под воздействием ряда обстоятельств. Определяющим фактором в процессе его формирования становится политический режим. В многочисленных исследованиях политического режима, начиная с Д. Истона [5], рефреном звучит мысль, что политический режим тогда находится в равновесии, когда он получает позитивную реакцию от граждан, а действия власти мотивированы их поддержкой. Отношение граждан к режиму имеет как нормативный, так и поведенческий элементы. Нормативный элемент основывается на сопоставлении реалий конкретного режима с положениями демократических теорий, обосновывающих критерии идеальной демократии. Нормативное одобрение в этом контексте может рассматриваться лишь как средство обеспечения лояльности граждан по отношению к власти. Для властных институтов приоритетным является поведенческий аспект, выражающий оценку гражданами действующего режима. Поэтому власть требует, чтобы граждане не предпринимали действий, создающие трудности для функционирования режима [11].

Доверительное отношение между обществом и государством возникает тогда, когда основной фокус решений, принимаемых государством, ориентирован на благополучие граждан: это — естественное, рациональное, добровольное доверие. Если субъекты власти, с помощью СМИ, манипулируют сознанием граждан, то в результате может сформироваться искусственное, вынужденное, иррациональное доверие. В условиях наличия внешних угроз, искусственное доверие может создать иллюзию социальной солидарности. Поэтому на протяжении многих десятилетий в политическом арсенале многих современных государств постоянно присутствует «образ врага» (даже если в реальности его нет). Вместе с тем, эти разные, по сути, феномены доверия не прочны и подвержены довольно быстрым трансформациям. Опасным для любого политического режима является абсолютный (или близкий к этому) уровень доверия к политическому лидеру государства, поскольку чреват риском спекулятивного использования такого доверия и «успокоенностью» властных институтов. В свою очередь, недоверие к власти, основывающееся на аргументированном выявлении ее пробелов и недоработок, и существующее, как правило, среди оппозиционных сил, создает предпосылки не только для

исправления допущенных промахов, но и для формирования более глубокого доверия к власти.

Ресурсом для развития доверительных отношений между обществом и государством являются такие публичные блага как качество политического управления, справедливость, закон, порядок и безопасность. Поскольку доверие, основанное только на вере, не прочно, то особым направлением в формировании народного доверия к власти становится повышение политической образованности всего населения России: и политических элит и гражданского общества. Только доверие, основанное на знании, может трансформироваться в уверенность. Особого разговора заслуживают нравственные, ценностные основы политического доверия.

Используя приведенные выше теоретические подходы к концепту «политическое доверие», проанализируем его как механизм минимизации политических рисков, как определенный социополитический (социокультурный) ресурс, способствующий повышению легитимности политической власти, ее стабилизации.

3. Неизбежен ли кризис политического доверия?

Политическое доверие власти (государству), являясь базисом стабильного общества, рассматривается как величина непостоянная, динамическая.

На смену априорному, «слепому», не отрефлексированному, бессознательному, не требующему какой-либо аргументации типу доверия, характерному традиционному и, в большей степени, недемократическому обществу, в современных условиях приходит рациональный тип. Рациональное доверие основывается на знании, только в этом случае оно может трансформироваться в уверенность. Отсюда, рационализация доверия может быть обусловлена признанием, пониманием гражданами политики как эффективной, разумной, приносящей реальные результаты [2, с. 1511].

Рациональное политическое доверие предполагает, с одной стороны, что общество оказывает доверие к государству, делегируя ему конкретные политико-управленческие функции и полномочия при определенных ограничениях, и, с другой стороны, ответственность государства перед народом за выполнение принятых на себя обязательств.

Представляется возможным поставить под сомнение обоснованность достаточно распространенной точки зрения, что коренное различие в доверии к власти в России и на Западе состоит именно в рациональной составляющей. Так, О.М. Гараев, выражая эту позицию, пишет: «специфика доверия наших соотечественников определяется дистанцией взаимодействия с объектом доверия. Россия не доверяет абстрактному человеку. Человек Запада, уверенный и защищенный, при оценке возможности доверять ориентируется на чувство личной безопасности. Его доверие рационально, оно имеет четкие рамки, в отличие от безграничного доверия русского человека, для которого «доверять» и «любить» являются категориями одного порядка. Доверие русского человека всегда эмоционально окрашено, включая доверие к власти. ...У россиян повышенные требования к объекту доверия. Они основываются не на западной рациональности, а на чувствах, нравственной интуиции... В доверии русского

человека всегда есть, с одной стороны, элемент безоглядной веры, с другой — детской наивной доверчивости.

Доверие граждан к власти в российском социуме носит этатистский характер и всегда связано с ощущением единства целей государства и общества» [2, с.1511–1513].

Соглашаясь с исторической обусловленностью в российской политической культуре приоритета государства в жизни общества, с сохранением и сегодня традиции персонализации власти, некоторых черт патернализма во властных отношениях и примеров клиентелизма в отношении населения к власти, укажем, что изменение роли государства в современном мире, развитие демократических составляющих в российской общественной жизни все больше и требовательнее включают рациональное начало в оценку обществом деятельности государства. Это меняет традиционный характер отношения граждан к власти, формулирует новые условия политического доверия к ней.

Ресурс политического доверия, задаваемый параметрами национальной политической культуры и формируемый в процессе политической социализации, подвержен изменениям. Он либо растет, подкрепляется реальными успехами в действиях государства, эффективностью его внешней и внутренней политики, либо уменьшается, когда возникают не разрешаемые противоречия в интересах граждан и действующей политической власти.

В обеспечении ресурса политического доверия существенную роль играет с информированность населения о деятельности власти. Созданная в государстве и понятная гражданам система информирования населения способствует созданию динамичных гражданских отношений в рамках административных правоотношений, повышению действенности участия граждан в процессе принятия политических решений на всех уровнях власти.

В условиях возникновения напряжения, возникающего из-за противоречий интересов властвующих элит и масс и создающих состояние политической неустойчивости, получение информации от самой власти о своей деятельности, планах, способах достижения поставленных целей, способствует снятию отчуждения граждан от власти. Если же власть демонстрирует готовность и способность прислушиваться к мнению граждан, учитывать его, то тогда она воспринимается гражданами в качестве своей.

Снижение политического доверия к институтам власти обусловлено ее неспособностью сбалансировать отношения между государством и обществом. Такое состояние политической неустойчивости характеризуется экономической и политической неопределенностью, уровнем социально-экономического развития государства и его способностью обеспечить достойный уровень для социального благополучия граждан, неспособностью к эффективному реформированию. Катализатором недоверия граждан к власти является не подотчетность власти и уровень ее коррупционности.

Продолжающийся на протяжении длительного времени процесс снижения доверия к институтам власти ведет к политическому кризису. Неспособность власти предложить обществу перспективу, обеспечить процесс общегражданской консолидации, солидарности ведет к дефрагментации общества. Граждане перестают идентифицировать себя с политической

системой, сужая процесс идентификации до социальной или этнической общности. Это свидетельствует о наличии признаков кризиса идентичности.

Расхождения в оценке применяемых методов и приемов властвования и поддержания легитимности, проявление нечестности, недобросовестности и несправедливости в действиях представителей властвующей политической элиты, постоянное изменение государством установленных ранее правил политической игры, функциональная перегруженность государства, резкое усиление деятельности оппозиции, рост нарушений существующих законов и неспособность государства к обеспечению правопорядка сигнализируют о кризисе легитимности.

Результатом проявления этих двух видов кризисов становится отторжение человека от государства. Оно ярко проявляется в неспособности политической власти консолидировать противоречивые интересы различных социальных и политических групп.

Поскольку политический кризис, как правило, сопровождается кризисом экономическим и духовным, неспособностью политической власти к выработке поддерживаемых обществом путей их преодоления, то, в конечном итоге, наступает общенациональный кризис.

4. Обеспечение доверительного отношения между обществом, насыщенным медиа и государством

Формирование отношения между обществом и государством в современных условиях кардинально меняется в связи с происходящей коммуникационной революцией. По мнению Дж. Кина наступает эпоха коммуникационного изобилия [6]. Он выделяет четыре важнейших тренда этой эпохи, которые в значительной степени определяют особенности взаимодействия государства и общества и склонность общества, насыщенного медиа, к спорам и разногласиям.

Это, во-первых, демократизация информации (расширение доступа к опубликованным материалам, которые ранее были либо вообще не достигаемы публике, либо открыты только ограниченному кругу пользователей; существенное снижение тирании расстояния; увеличение охвата потребителей; представление уже отформатированного, собранного массива данных) [6, с.37-38].

Во-вторых, новая публичность: разделение публичного и частного, деприватизация и демократизация частного потенциала повседневной жизни, (публичность ныне обращена на все личное; частное может стать мгновенно публичным; область, которая ранее называлась «частной», становится предметом публичных споров; вырабатываются реакции, призванные защитить «частное»; опровергаются древние, исходно греческие убеждения в том, что демократическая публичная жизнь требует дополитических оснований, немногословной частной жизни (или если использовать греческий термин, «идиотики»); проявляется глубинная двусмысленность в различии частного и публичного: иногда неприятная публичная огласка «частных» действий (или их раскрытие) является оправданной, а, в отдельных случаях, приемлема тайна) [6, с. 46–47] [49] [51] [55] [56].

В-третьих, новое макрокерство — публичное разоблачение коррупции, активная деятельность граждан, журналистов и контролирующих институтов. Следствием становится формирование паттернов разочарования общества в официальной политике, в лидерах общественного сектора. Этот тренд приводит к устареванию прежних утверждений, что демократии определяются «эффектами присоединения к большинству», «стадным поведением» и «спиралью молчания», которые были обусловлены страхом изоляции от остальных граждан [6, с. 56] [57] [59]. В свою очередь, появляется новый тезис, который гласит, что те, у кого есть власть над другими, постоянно подвергаются непредвиденным обратным реакциям, становятся мишенью для возмущения и даже бунта [6, с. 63]. Благодаря сетевым коммуникациям значительно растет гражданская «способность к выражению» [6, с. 64].

Наконец, в-четвертых, увеличение числа неизбранных представителей — авторитетных публичных фигур, которые завоевывают общественное внимание и уважение благодаря различным формам медийного освещения [6, с. 74] [77].

Все указанные выше тренды получают свое подтверждение в российской политической жизни. За последние четверть века существенно расширились возможности СМИ: на февраль 2016 года, согласно данным Роскомнадзора, официально зарегистрировано 83352 средства массовой информации, при этом доля журналов составляет 37%, газет — 28%, онлайн СМИ — 11%, ТВ — 10%, на радио приходится 7%. Почти две трети СМИ имеют лицензию на распространение информации на всей территории Российской Федерации. По распространению информации Санкт-Петербург и Ленинградская область находятся на первом месте среди самых популярных регионов (соответственно 6% и 4%). Подчеркнем, что в Москве распространяется лишь 3%. (<http://mediadigger.ru>).

Этот факт дает одно из объяснений особенностей взаимодействия петербургского общества и власти. В силу того, активная, «живая» политическая коммуникация все больше уходит из традиционных СМИ в Интернет, который может быть охарактеризован как упорядоченная среда, где активно идут процессы организации и самоорганизации [1], отдельно остановимся на российской интернет-аудитории. По данным российского филиала исследовательского концерна Gfk (Gesellschaft für Konsumforschung), на начало 2017 года аудитория интернет-пользователей в России в возрасте от 16 лет и старше осталась на уровне 2015 года и составляет 70,4% (84 млн. человек). При этом еще в 2008 году их было всего 25,4%. Проникновение интернета среди молодых россиян (16-29 лет) достигло предельных значений еще в предыдущие годы и составляет 97%. Сегодня 56 млн. россиян в возрасте от 16 лет пользуются интернетом на мобильных устройствах-смартфонах и планшетах. Самая высокая интернет аудитория в целом фиксируется в Санкт-Петербурге — 80% (в Москве — 78%), она более 75% в городах с населением 1 млн. и более, и даже в селах — 58%.

Вместе с тем, укажем, что почти треть россиян не использует Интернет (преимущественно лица старше 64 лет, пенсионеры или респонденты с ограниченной занятостью, малообеспеченные) (http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Rel_eases/2017/Internet_Usage_Russia_2016.pdf).

В условиях возможной блокировки и контроля СМИ, альтернативным каналом информации и специфическим инструментом политического взаимодействия становятся социальные сети. Они стремительно входят в публичную политику. Политическая сеть становится формой взаимодействия государства и групп интересов. Это массовая аудитория, поэтому ее используют и представители власти или стремящиеся к ней. Классическим примером эффективного использования социальных сетей в борьбе за президентское кресло становится предвыборная кампания Д. Трампа. Из всех претендентов на пост президента, у него была самая многочисленная по количеству подписчиков страница в Facebook, наибольшее среднее количество репостов видео с YouTube (примерно по 5000 на один ролик). Благодаря микроблогу в Twitter, Трамп имел возможность одновременно общаться с 90 миллионами человек. Личная страница Трампа в Twitter насчитывала более 21 млн человек [14].

Свой опыт участия в социальных сетях накоплен и в России. Каждая крупная политическая партия или ее лидер стремятся создать свои площадки на всех основных, наиболее массовых социальных сервисах. Большое количество российских политиков и чиновников имеют свои аккаунты в таких социальных сетях, как «В контакте», Одноклассники, Facebook или Twitter. Одним из самых популярных блогов среди всех российских политиков является инстаграм главы Чечни Р. Кадырова. Каждый размещенный фотоснимок или видеоролик он дополняет подробным текстом.

5. Трансформация демократии и новый характер взаимодействия общества и государства

Изменяющийся режим коммуникации становится катализатором динамики демократии. Последовательное вытеснение из коммуникационных потоков печатных и аудиовизуальных СМИ, прежде тесно связанных с политическим партиями и правительствами, электронными СМИ и Интернет-ресурсами определяет специфику взаимодействия общества и государства. Современное государство имеет дело с постоянными попытками общества увеличить контроль над деятельностью государства. Как пишет Дж. Кин, «ослабляется центральный элемент-власть выборов, политических партий и парламентов над жизнью граждан. Демократия начинает означать нечто гораздо большее, чем честные и свободные выборы, хотя их роль сохраняется. В рамках государств и за их пределами, независимые контролеры власти оказывают все более заметное воздействие на динамику и значение демократии. Постоянно держа политиков, партии и избранные правительства в напряжении, мониторинговые институты усложняют им жизнь и ставят под вопрос их власть и авторитет, часто заставляя их урезать и изменять свои программы — порой из-за того, что они были политически скомпрометированы» [6, с.105]. Автор предлагает назвать эту трансформированную демократию термином «мониторная демократия» [6, с.103].

Содержание механизма, определяющего современный характер взаимодействия общества и государства, можно представить на трех уровнях:

- уровень входа - сигналов государству, его институтам, исходящим от граждан или их ассоциаций;

- уровень участия граждан и общества в политическом процессе: принятии политических решений;
- уровень участия граждан в оценке результатов выполнения принимаемых решений.

Многообразные интересы и влияние голосов граждан в этом механизме реализуются через множество структур. Среди них различные консультационные советы, дискуссионные собрания, неправительственные аналитические центры, гражданские ассамблеи, демократические аудиты, конференции с мозговым штурмом, демократические клубы и кафе, общественные пикетирования и мирные осады. Инновационными формами в условиях коммуникационного изобилия становятся совещательные опросы общественного мнения, системы обмена сообщениями в Интернете, произвольные опросы через СМС, публичные оценки и консультативные инициативы, гражданское электронное неповиновение, фокус-группы, сетевые петиции.

Очевидно, что при помощи новых информационных банков, неизбранных, но популярных представителей, макрекерства, новых инновационных структур, занятых контролем власти круг участия граждан в политическом процессе расширяется.

В России по инициативе государства и под его патронажем создана система общественного контроля для наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций. Субъектами такого контроля являются общественные палаты РФ и ее субъектов, муниципальных образований; общественные советы при федеральных органах исполнительной и законодательной власти субъектов РФ; общественные наблюдательные комиссии; общественные инспекции; группы общественного контроля (ФЗ от 21 июля 2014г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). Эти же законом закрепляется право граждан России участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций (ст. 3. п. 1).

В силу высокой монополизированности всех сфер жизнедеятельности современного российского государства и, особенно, разросшейся по масштабам и глубине проникновения коррупции, созданные общественные палаты и советы носят преимущественно сервильный характер и обслуживают интересы властных институтов. Деятельность представителей общественного контроля существенно ограничена уже самим Законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации (2014). Например, ст. 5. п. 1 этого Закона прямо говорит о том, что одной из целей общественного контроля являются «обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия». Но уже следующая статья 6 уточняет, что такой учет

будет только в случаях «предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами». (ФЗ от 21 июля 2014г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). Вызывает вопросы и норма закона, фиксирующая принцип «недопустимости необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций». Кто будет решать, насколько это вмешательство обосновано?

Идея, которую несет этот закон, безусловно, верная, но эффективность создаваемой системы пока еще крайне мала. Подобная деятельность многочисленных палат и советов не только не укрепляет потенциал доверия народа к власти, а, наоборот, еще больше подрывает его.

Выводы

1. Доверие выступает одним из основных факторов политической мобилизации масс, фундаментальным условием эффективного политического управления и публичной политики, демонстрирует отношение людей к устройству и деятельности государственных структур, отражает массовые настроения в обществе и способно обеспечивать бесперебойное функционирование политической власти.

2. Доверие, основанное только на вере, носящее персонифицированный характер не прочно, в связи с этим, особым направлением в формировании народного доверия к власти становится повышение политической образованности всего населения России: и политических элит, и гражданского общества.

3. Наибольшим недоверием у россиян пользуются те институты, деятельность которых они сами могут наблюдать и оценивать по реальным делам в повседневной жизни: местные органы власти, политические партии, судебные и правоохранные органы. Это недоверие, при этом, выражает отношение не к государству, а к действующей власти, тем или иным политическим руководителям. Функционирование политических институтов практически не зависит от существующей степени народного доверия к нему. Например, губернатора в большей степени интересует степень доверия к нему президента, а не населения. Экономически активные группы населения России, граждане, ведущие предпринимательскую деятельность или планирующие ее заниматься, меньше всего доверяют власти.

4. Существовавшая на протяжении многих веков традиционная модель доверия населения к власти в последние десятилетия подвергается серьезной ревизии. Формирование отношения между обществом и государством в современных условиях кардинально меняется в связи с происходящей коммуникационной революцией, наступлением эпохи коммуникационного изобилия.

5. Коммуникационное изобилие объективно порождает новую архитектуру политики, создает ранее неизвестные возможности для развития гражданской «способности к самовыражению», формирования нового режима контроля власти.

6. В условиях коммуникационного изобилия политическая жизнь имитируется современными техническими средствами гораздо эффективнее классических политических имитационных процедур

7. Долго существующий низкий уровень доверия политическим институтам в конечном итоге трансформируется в низкий уровень доверия к стране, к ее населению.

Литература

- [1] Биккулов А.С. Интернет как средство массовой коммуникации: дис....канд. социолог. наук. СПб, 2003. 217с.
- [2] Гараев О.М. Доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной России // Вестник Башкирского университета 2014. Т.19. №14. С.1509-1514.
- [3] Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101-122.
- [4] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Директ-Медиа, 2011. 567 с.
- [5] Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: John Wiley, 1965.
- [6] Кин Дж. Демократия и декаданс медиа.- М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
- [7] Количество пользователей Интернета в России. http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Internet_Usage_Russia_2016.pdf.
- [8] Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. СПб: Наука, 2007. 641с.
- [9] Luhmann N. Trust and Power. Chichester, 1979.
- [10] Лукин В.Н. Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели // Credo New 2005. № 3. <http://credonew.ru>.
- [11] Манро Н., Мишле У., Роуз Р. Вынужденное принятие неполной демократии. Политическое равновесие России // Вестник общественного мнения. 2005. №2 (76). С.30-42.
- [12] Рейтинги и индексы. Данные опроса ВЦИОМ, 7 февраля 2016 г. <http://www.wciom.ru/news.ratings.9.02.2016>.
- [13] СМИ России в 2016. Анализ данных за 25 лет. <http://mediadigger.ru>.
- [14] Трамп: социальные сети — очень полезное изобретение // Версия. 2017. №16. 2017, 24 апреля. <http://www.versia.ru>.
- [15] Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журнал. 1998. № 3/4. С.204–219.
- [16] Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос. 2012. 445 с.
- [17] Штомпка П. Культура доверия // Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2008.

- [18]Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на западе. Антология. М.: «Academia», 1999. С.126-162.
- [19]Плесовских С.Н. Феномен доверия в российском обществе: социологические основы и диагностика. Автореф. дис... канд соц. наук. М., 2004. 26 с.

The extension of the radii of trust between society and the state as a condition of effectiveness of public policy

I.V. Radikov

Saint-Petersburg State University

This article refers to the fact that the trust relationship between society and state is a fundamental condition for the effective political management and public policy. The conclusion about the necessity of expansion of the radii of trust between society and government due to the upcoming controversial era of communications abundance, not only increasing the access of citizens to information, but also leading to further alienation of many people from politics because of the impossibility to cope with the increasing avalanche of information.

Keywords: trust, political trust, culture of trust, online political trust, rational trust, new publicity.